

И. В. Матыцина (Москва)

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

(по материалам Отчета государственной экспертной комиссии)

Среди более 6800 языков мира¹ шведский язык занимает примерно девяностое место по количеству говорящих на нем людей — на сегодня это около 9 млн жителей Швеции и часть населения Финляндии² (где шведский наряду с финским является государственным языком). Таким образом, ареал распространения шведского языка имеет достаточно четкие границы и остается почти неизменным на протяжении уже многих веков. Для сохранения и развития языка это является очень благоприятным фактором. Кроме того, в Швеции давно и планомерно ведется работа по изучению и нормированию языка, существует детально разработанный стандарт письменного языка, а также общепризнанная устная норма (хотя вариативность устной речи все же достаточно велика). Вопросы языка и языковой политики находятся в ведении специальных организаций, крупнейшими из которых являются Шведская Академия, Центр технической терминологии (TNC) и Комитет по шведскому языку (Svenska Språknämnden). Примером их деятельности могут служить издание Шведского Академического словаря — один из самых крупных проектов подобного рода в мире — и недавно вышедшая Академическая грамматика шведского языка, содержащая подробное описание всех уровней языка на основе самых современных лингвистических теорий.

Важным фактором жизненной силы и стабильности шведского языка является давняя и богатая литературная традиция, а также многочисленные диалекты — настоящая сокровищница национальной культуры³.

Однако в истории даже самых благополучных языков бывают сложные периоды, своего рода испытания на прочность, когда под влиянием изменений в обществе языковая ситуация изменяется настолько сильно, что языку приходится включать защитные механизмы (примером может служить влияние на шведский язык нижненемецкого в Средние века или французского во времена Просвещения).

На сегодняшний день выделяются две причины изменения языковой ситуации в Швеции:

1) укрепление международного статуса английского языка и, как следствие, значительный рост его популярности в Швеции;

2) превращение Швеции в полиэтническую страну, население которой говорит более чем на 200 языках; а также закрепление за пятью языками (саамским, финским — *meänkieli*, торнедало-финским — *tornedalsfinska*, цыганским — романы чиб, идиш) статуса языков национальных меньшинств.

В результате указанных изменений позиции шведского в определенных сферах жизни ослабли, и он оказался частично, а иногда даже полностью вытеснен английским языком. Правда, пока это можно считать исключением, хотя и весьма существенным: английский доминирует на международных форумах в рамках Европейского Союза (ЕС), в научном мире, в сфере образования, культуры (в частности музыки), является рабочим языком на многих крупных предприятиях (*koncernspråk*)⁴.

Сохранение данной тенденции, по мнению специалистов, может привести к следующим негативным результатам:

во-первых, замена шведского языка английским в различных сферах деятельности для многих шведов значительно осложнит процесс обучения или даже станет преградой на пути профессионального роста;

во-вторых, употребление английского языка в политике, крупном бизнесе и науке (особенно в новых, перспективных направлениях исследований) окончательно закрепит за ним статус языка-доминанты, более богатого и развитого, чем шведский;

в-третьих, вытеснение шведского языка английским в науке приведет к обеднению шведской терминологии и как результат сделает невозможным популяризацию научных идей и их распространение за пределы узкого круга специалистов, а также контроль общества за результатами исследований; в научных кругах отсутствие адекватной и функциональной шведской терминологии неизбежно приведет к тому, что обсуждение новых идей и направлений будет вестись только по-английски⁵.

Как результат в стране может возникнуть диглоссия. Причем английский язык будет языком политики, науки, культуры, шведский же превратится в домашний, «низкий» язык. А это в свою очередь приведет к усилению в обществе социальных различий и возникновению неравенства: практика показывает, что дети из более благополучных семей легче и быстрее обучаются иностранному (в данном случае английскому) языку, а значит, имеют больше шансов на успешную карьеру.

Ослабление позиций шведского языка нежелательно также с точки зрения общей языковой ситуации в мире: начавшись в отдельных сферах жизни и деятельности людей, процесс вытеснения одного

языка другим легко может стать необратимым и привести к полному исчезновению одного из языков⁶.

Вместе с тем необходимость укрепления статуса шведского языка несовместима с установлением его монополии и отрицанием роли английского языка в политике, науке, технике, производстве и других областях деятельности. Знание английского необходимо. Но лишь наряду с хорошим владением шведским языком и не в ущерб другим иностранным языкам, прежде всего немецкому, французскому, испанскому (в ЕС даже существует долгосрочный план, согласно которому каждый гражданин Европейского Союза должен наряду с родным языком овладеть еще двумя иностранными).

Понимая серьезность проблемы, шведское правительство еще в 1997 г. поручило Комитету (Svenska Språknämnden) создать программу поддержки шведского языка, а в 2000 г. по решению Риксдага для всестороннего изучения вопроса о дальнейшей судьбе шведского языка была создана парламентская комиссия. Результатом работы этой комиссии явился Отчет «Mål i Mun», содержащий предложения по дальнейшей работе в области языка и языковой политики.

Данный Отчет представляет собой двухтомное, более чем 600-страничное исследование, в котором содержатся анализ современной языковой ситуации в Швеции и предложения по ее изменению.

В Отчете подробно рассматривается роль шведского языка в сфере образования, политики и общественного самоуправления, на производстве, в торговле, в средствах массовой информации, в области культуры, здравоохранения и информационных технологий — т. е. в тех сферах деятельности, которые играют центральную роль в жизни каждого индивида и потому имеют особое значение для языковой ситуации в обществе.

Наиболее подробно авторы Отчета анализируют изменения, произошедшие в языке, обслуживающем деятельность образовательных учреждений и официально-деловых структур, после вступления Швеции в ЕС.

Образование

Средняя школа и гимназия

До недавнего времени в шведской школе наблюдалось абсолютное преобладание шведского языка. Однако в последние годы большой популярностью пользуется идея преподавания одного или нескольких предметов на иностранном, прежде всего английском, языке — SPRINT (språk — och innehållsintegrerad inläring).

Впервые эта модель была опробована еще в 70-е гг. XX в., но лишь теперь стала действительно массовой. В настоящее время по ней работают 4% средних школ и 23% гимназий, причем количество энтузиастов неуклонно растет. Сторонники данной модели видят в ней

эффективную альтернативу традиционной школьной программе, так как обучение иностранному языку в этом случае проходит в реальной, а не надуманной ситуации общения и поэтому является не только более увлекательным, но и более успешным.

Однако последние исследования⁷ показали, что модель SPRINT имеет целый ряд недостатков, среди которых наиболее серьезными являются:

- 1) снижение качества преподавания шведского языка;
- 2) поверхностное владение материалом по экспериментальным дисциплинам;
- 3) ослабление роли шведского языка в обществе.

В ситуации, когда английский язык шаг за шагом вытесняет шведский с его исконных позиций, SPRINT может сыграть роль катализатора, ускоряющего данный процесс⁸. И постепенно английский, перестав быть иностранным языком, изучаемым для общения с гражданами других государств, начнет употребляться в различных сферах жизни наравне со шведским⁹.

Исходя из всего сказанного, в Отчете делается вывод о политической и педагогической несостоятельности модели SPRINT, а в Приложении к Отчету подробно рассматриваются родственные данной модели системы обучения, указываются их сильные и слабые стороны. При этом особое внимание уделяется сопоставлению модели SPRINT и ее канадского прототипа — программы «Обучение с погружением» (*immersionsundervisning*), подготовившей условия для превращения французского языка в официальный язык провинции Квебек.

В 1960 г. в провинции Квебек была разработана и стала применяться программа изучения иностранных языков «с погружением». В то время в провинции доминировал английский язык, но дальновидные родители, учитывая специфику языковой ситуации в регионе, хотели, чтобы их дети свободно владели французским, который мог пригодиться им в будущем. Традиционные школьные уроки французского такого результата дать не могли, поэтому было принято решение о переходе на другую форму обучения: преподавание ряда дисциплин на французском языке.

Таким образом, обучение «с погружением» изначально было разработано для детей, по праву рождения принадлежащих к языковой и культурной элите и имеющих экономическую заинтересованность в расширении своего языкового диапазона путем изучения второго, более «слабого» языка.

Вот основные характеристики программы «Обучение с погружением»¹⁰:

- обучение происходит по желанию родителей и учеников, на добровольной основе;
- родной язык учеников имеет высокий статус (выше, чем статус изучаемого языка);
- родной язык является общим для всех учащихся;

- учитель понимает родной язык учащихся;
- изучаемый язык ни для кого из учеников не является родным;
- начиная изучать иностранный язык, учащиеся уже в достаточной степени владеют родным языком (умеют читать и писать, рассуждать на абстрактные темы и т. д.).

Перечисленные признаки характерны только для данной модели, не случайно из всех существующих моделей обучения иностранным языкам¹¹ именно она оказалась действительно эффективной. В остальных случаях результативность обучения (в процентном отношении к числу учащихся) бывает довольно низкой, что, по мнению специалистов¹², объясняется невыполнением большинства условий из приведенного выше списка: у детей, как правило, нет свободы выбора; учитель не понимает их родной язык и этот язык имеет низкий статус; в классе собраны дети, говорящие на разных языках, причем для некоторых школьников изучаемый язык является родным, и т. д. и т. п.

Что же касается программы SPRINT, то она отвечает практически всем указанным выше критериям. Кроме одного: того, в котором указывается, что изучаемый язык не должен иметь более высокого статуса, чем родной язык учащихся. Однако именно этот критерий является решающим с точки зрения долгосрочной языковой политики. При невыполнении данного условия обучение иностранному языку «с погружением» ведет к еще большему ослаблению позиций родного языка учащихся и, по мнению авторов Отчета, не может быть рекомендовано для широкого использования.

Школам и гимназиям предлагается вернуться к традиционной системе преподавания иностранного языка, которую, однако, следует усовершенствовать и адаптировать к новым условиям жизни, предъявляющим повышенные требования к уровню владения английским.

Высшее образование

По свидетельству экспертов¹³, высшее образование является сферой, в которой английский язык имеет наиболее прочные позиции, хотя частотность его употребления в рамках различных специальностей варьируется.

Особое распространение английский получил на медицинских, а также технических и естественных факультетах университетов, где он уже давно стал языком научного общения. Наименее употребителен английский в юриспруденции. При этом во всех университетах отмечается тенденция к увеличению роли английского языка на более высоких ступенях образования. Так, если при прохождении базового курса студенты сталкиваются лишь с англоязычной специальной литературой, то обучение в магистратуре предполагает участие в лекциях, семинарах, написании докладов, научных статей и диссертаций на английском языке. И хотя в соответствии с общими правилами допус-

кается написание диссертаций на шведском, датском, норвежском, английском, французском и немецком языках, в большинстве вузов английскому отдается предпочтение, причем не только *de facto*, но и *de jure*: «Докторская диссертация пишется по-английски; если же диссертант хочет выбрать другой язык, это должно быть отражено в его индивидуальном плане» (Справочник для аспирантов, факультет математики и естественных наук Лундского университета, 2000 г.). «Докторская диссертация пишется по-английски. Написание диссертации на каком-либо другом языке возможно только с разрешения декана» (Справочник для аспирантов, Королевский технологический институт — КТН, 1997) или еще категоричнее: «Диссертацию следует писать по-английски. Шведский язык допустим лишь в качестве исключения» (Справочник для аспирантов, Чалмерский технологический институт — Chalmers tekniska högskola, 1999).

Однако большинство опрошенных преподавателей и студентов высказались за возврат к обучению на шведском языке. Преподаватели считают занятия на иностранном языке менее эффективными: лектор и аудитория чувствуют себя скованно, и это отражается на глубине научных дискуссий и активности слушателей. В свою очередь студенты указывают, что предпочли бы читать специальную литературу также по-шведски, а не по-английски.

Еще одна проблема, возникающая в связи с доминантой английского языка в системе высшего образования, касается незнания студентами шведской терминологии и как следствие отсутствия у них навыков ведения научных дискуссий на родном языке.

Следовательно, хотя основным аргументом в пользу английского языка принято считать интернациональный характер современной науки — и английский действительно незаменим как язык-посредник при международных научных контактах, — он не может и не должен полностью заменить собой шведский. Именно поэтому в Отчете подчеркивается важность параллельного употребления двух языков в научной работе (в частности, докторские диссертации, написанные по-английски, должны иметь шведское резюме) и указывается на необходимость развития у студентов умения письменно и устно излагать свои мысли и научные взгляды по-шведски для различной аудитории — от специалистов до людей, не имеющих специального образования. Добиться этого, по мнению авторов Отчета, можно путем активного формирования навыков научной коммуникации (устной и письменной, активной и пассивной, причем последнее предполагает чтение научной литературы не только на шведском и английском, но и на французском и немецком языках), а также путем введения в правила защиты докторских диссертаций нового пункта, в соответствии с которым диссертант будет обязан публиковать результаты своего исследования в каком-либо из научно-популярных изданий. Ожидается, что эти, а также целый ряд других мер повысят статус шведского языка в науке и высшей школе. Однако для опреде-

ления дальнейшей политики в области высшего образования авторы Отчета рекомендуют провести всестороннее изучение результатов активного использования английского языка в вузах.

Политика и местное самоуправление

Вступив в ЕС, Швеция стала частью огромной межгосударственной структуры, в которой четко выделяются несколько доминирующих языков — прежде всего английский и французский, — которые легко могут вытеснить шведский язык с его позиций, если шведским политикам и чиновникам придется активно пользоваться на работе английским или каким-либо другим языком.

Анкетирование политиков разного уровня¹⁴, однако, показало, что пока такой проблемы не существует, поскольку деятели высокого ранга (члены правительства, депутаты риксдага) при международных контактах всегда пользуются услугами переводчиков, а чиновники муниципального уровня в основном работают с населением, и потому им редко приходится использовать какой-либо другой язык, кроме родного.

Несмотря на это, авторы Отчета считают необходимым сосредоточить основное внимание на укреплении статуса шведского языка как официального и рабочего языка ЕС и предлагают принять целый ряд мер для решения этой задачи.

В частности, статус официального языка означает:

1) все правовые документы, действие которых распространяется на Швецию, должны быть переведены на шведский язык;

2) в Интернете должны иметься шведскоязычные сайты с информацией о деятельности всех основных органов ЕС;

3) совещания депутатов и иных политических деятелей должны сопровождаться переводом со шведского и на шведский язык;

4) шведскоязычные граждане Европейского Союза имеют право обратиться в любой орган ЕС по-шведски и требовать ответа на том же языке;

5) органы и институты Европейского Союза обязаны пользоваться шведским языком при контактах со шведскоязычными гражданами ЕС.

В качестве рабочего языка шведский язык должен:

1) употребляться в ЕС наравне с другими рабочими языками, сопоставимыми с ним по значимости (например, датским, финским, греческим и португальским);

2) активно использоваться на мероприятиях в качестве языка, с которого осуществляется перевод (прямой и обратный), а когда такой возможности нет, шведским представителям должно быть как минимум обеспечено право высказывать свои мысли по-шведски;

3) в случае, когда невозможно обеспечить каждому выступающему право говорить на своем родном языке, следует прибегать к так

называемому «правилу двух (или трех) языков» (т. е. ограничиться английским и французским или английским, французским и немецким языками)¹⁵;

4) вся документация и переписка должны вестись по-шведски, исключения возможны лишь тогда, когда употребление английского и французского традиционно считается обязательным; любые попытки распространить эту практику на новые виды документов следует решительно пресекать.

Помимо мер по укреплению статуса шведского языка на международной арене в Отчете содержатся предложения более частного характера, касающиеся деятельности общественных и политических организаций внутри страны. В частности, указывается, что шведские организации и службы должны иметь шведские названия (ср. Invest, Stockholm Environment Institute, Stockholm International Peace Research (SIPRI) и т. д.) и адрес на шведском языке в Интернете (у Королевского двора и канцелярии премьер-министра есть только английский адрес); по-шведски должны быть написаны все указатели и вывески в общественных местах (при необходимости с добавлением на английском или официальном языке какого-либо из национальных меньшинств).

Столь пристальное внимание к языку, обслуживающему сферу политики и общественной жизни, в Швеции объясняется давними демократическими традициями, требующими, чтобы власть говорила с гражданами на понятном языке¹⁶.

Ясный и четкий стиль официально-делового общения способствует укреплению демократии и правовых основ государства, экономит время и деньги граждан, укрепляет их доверие к властям, облегчает и делает более эффективной работу чиновников.

Радикальные изменения в официально-деловом языке произошли во второй половине 60-х гг. Они начались с редактирования законов, которые в Швеции при составлении документов традиционно принимаются за образец. За этим последовало учреждение в 1976 г. при канцелярии премьер-министра должности эксперта по языку и целый ряд других мер, направленных на регламентацию и совершенствование делового языка. Однако, по данным социологических опросов, большинство шведов считают речи политиков трудными для восприятия и выступают за дальнейшее упрощение казенного стиля¹⁷.

Языковая ситуация еще более осложнилась в 1995 г. со вступлением Швеции в ЕС, когда в страну хлынул поток переводных документов (свыше 200 000 страниц в год). Их содержание и оформление сильно отличаются от принятых в Швеции норм, поскольку большинство этих текстов пишется в соответствии с иной — континентальной — традицией и переводится на шведский за пределами страны, как правило в Брюсселе, Люксембурге или Страсбурге. Язык этих документов исследователи называют «еззовско-шведским» (EU-svenska) и видят в нем угрозу существующей в Швеции норме

официально-делового языка¹⁸. В доказательство приводятся следующие факты:

— наличие в текстах и документах грамматических и стилистических ошибок и неточностей;

— сильное влияние английского языка на язык и стиль данных документов, что при нынешней языковой ситуации является нежелательным;

— запутанность и тяжеловесность синтаксических конструкций, затемняющих смысл документов.

Последний пункт требует особого разъяснения. Дело в том, что документы Евросоюза обычно составлены из длинных предложений, которые переводчикам приходится сохранять, чтобы как можно точнее передать структуру оригинала. Особенно это касается так называемого «правила точки» (punktregel), которое действует при переводе различных правовых актов и означает, что каждому предложению оригинала должно соответствовать одно и только одно предложение перевода, и следовательно, делить длинную фразу на несколько более коротких нельзя.

Отличается от шведского и способ подачи материала: в Евросоюзе придерживаются континентальной традиции оформления юридических документов, согласно которой тексты подобного рода адресуются узкому кругу специалистов и не предназначены для прочтения широкой общественностью, как это принято в Скандинавии.

Нельзя также не учитывать целый ряд субъективных факторов, в частности таких, как авторство оригинальных текстов: многие из них — результат коллективного труда, и тяжеловесность их стиля, а также недостаточная логическая стройность композиции являются отражением длительных переговоров и взаимных компромиссов, предшествующих написанию документа. К тому же среди авторов оригинальных текстов немало людей, для которых английский и французский языки не являются родными; а переводчики в свою очередь не всегда владеют специальной терминологией.

Указанные факторы могут, по мнению специалистов, отрицательно сказаться на языковой ситуации в Швеции и свести на «нет» работу последних десятилетий по упрощению и облегчению стиля деловой документации.

Для противодействия этим негативным тенденциям авторы Отчета предлагают осуществить целый ряд мер, направленных на улучшение качества документов, поступающих из ЕС. Среди них на первом месте стоит активное участие представителей Швеции в работе по совершенствованию стиля и формы переводимых документов; в частности, речь идет о смягчении «правила точки», из-за которого в переводе возникают громоздкие, синтаксически сложные конструкции. При этом отмечается необходимость сокращения длины предложений в исходных текстах с последующим постепенным изменением ныне существующего порядка цитирования и редактирования правовых документов¹⁹.

Важное значение имеют также подготовка квалифицированных шведских переводчиков и создание необходимых условий для их работы. Очевидно, что без знания собственно шведских реалий и вне языкового окружения трудно добиться высокого качества переводов и избежать многих фактических и стилистических ошибок.

По мнению авторов Отчета, улучшить стиль переводимых текстов, одновременно увеличив эффективность работы органов ЕС, можно за счет предоставления всем чиновникам права работать на родном — а не только английском и французском — языке. Решение данной задачи невозможно без принятия мер по укреплению статуса «малых» языков, что в конечном итоге ведет к укреплению демократии и равенства между народами.

* * *

Наряду с вопросом о роли шведского языка в науке, образовании и политике в Отчете рассматривается языковая ситуация в других областях деятельности человека: торговле, маркетинге, средствах массовой информации, здравоохранении и др., а также предлагаются конкретные меры по укреплению статуса шведского языка в обществе, в частности:

- увеличение количества шведских теле- и радиопрограмм;
- пропаганда чтения и оказание помощи библиотекам, обществам книголюбов, книжным магазинам и т. п.;
- увеличение доли шведских книг и шведских фильмов в общем объеме печатной и кинопродукции;
- повышение качества шведских субтитров в кино и на телевидении;
- разработка специальной научной, технической и политической терминологии на шведском языке;
- повышение требований к языку рекламы;
- усиление контроля за наличием шведскоязычных инструкций, аннотаций и этикеток на всех товарах, продающихся на территории Швеции;
- повышение интереса к изучению наряду с английским других иностранных языков;
- введение углубленного изучения шведского языка в гимназиях, повышение требований к уровню владения языком при поступлении в вузы;
- создание и пропаганда шведскоязычных обучающих компьютерных программ;
- введение требования об обязательном знании шведского языка для врачей из ЕС, работающих на территории Швеции; использование шведского языка при заполнении медицинских карт, и т. д. и т. п.

Одновременно в Отчете постоянно подчеркивается важность внимательного и чуткого отношения ко всем языкам, диалектам и социо-

лектам, существование которых во многом определяет специфику языковой ситуации в современной Швеции.

В целом, можно сказать, что выводы и предложения, содержащиеся в Отчете, отражают интересы большинства шведских граждан. Это подтверждают результаты социологических опросов, которые свидетельствуют о том, что шведы понимают существующую проблему²⁰ и признают важность укрепления статуса шведского языка как основного средства коммуникации; многие из опрошенных также отмечают, что язык является необходимым фактором самосознания каждой личности в отдельности и общества в целом. «Jag är mer Eva på svenska än jag är på något annat språk», — говорит одна из информанток, а другой опрошенный, поэт и рок-музыкант, добавляет: «Att säga eller sjunga Jag älskar dig istället för I love you baby — det är stor skillnad»²¹.

¹ Ethnologue: Languages of the world. Dallas, 2000.

² Шведский язык имеет также распространение в Эстонии, где сохранилось шведскоговорящее меньшинство, среди шведских эмигрантов в США и в некоторых других странах.

³ *Teleman U.* Det svenska rikssprakets utsikter i ett integrerat Europa // *Språkvård.* 1992. 4. S. 7–16.

⁴ См. об этом в работах: *Teleman U.* Det nordiska samarbetet // *Språk i Norden.* Oslo; Stockholm; Köpenhamn, 1989. S. 14–32; *Det svenska rikssprakets utsikter i ett integrerat Europa // Språkvård.* 1992. 4. S. 7–16; *Hyltenstam K.* Svenskan, ett minoritetsspråk i Europa — och i världen? // *Svenskans beskrivning 21. Förhandlingar vid tjugoförsta sammankomsten för svenskans beskrivning, Helsingfors den 11–12 maj 1995.* Lund, 1996. S. 9–33; *Hyltenstam K.* Svenskan I minoritetsspråksperspektiv // *Sveriges sju inhemska språk — ett minoritetsspråksperspektiv.* Lund, 1999. S. 205–240; *Melander B.* De små språken i den europeiska gemenskapen // *Språk och Stil* 7 1997. S. 91–113; *Swedish, English and the European Union // Managing Multilingualism in a European Nation-State.* Clevedon m. fl., 2001. S. 13–31.

⁵ Преимущество шведских терминов по сравнению с английскими состоит в том, что они образуются от шведских основ и потому понятнее широкой аудитории (ср. *farthållare* и *cruise control*); кроме того, их грамматическое оформление лучше соответствует шведской традиции (ср. *gränssnitt* и *interface*).

⁶ Отмечая тенденцию к исчезновению многих языков, некоторые исследователи (см., например: *Hyltenstam K.* Svenskan I minoritetsspråksperspektiv. S. 208–210) предполагают, что к концу нынешнего столетия из более чем 6000 языков в мире останется лишь несколько сотен.

⁷ *Hyltenstam K.* Engelskundervisning i Sverige // *Mål i Mun. Bilaga 3.* S. 45–71.

⁸ «Engelskan stiger efterhand in på språkanvändningsdomäner där svenska får träda tillbaka. Det är just SPRINTs roll som en direkt injektion för sådana processer som oroar». (*Hyltenstam K.* Engelskundervisning i Sverige // *Mål i Mun. Bilaga 3.* S. 46).

⁹ Некоторые исследователи даже утверждают, что этот процесс уже завершился в Скандинавии и в большей или меньшей степени затронул все неанглоязычные страны Европы (*Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford, 1992. S. 5; *Graddol D.* The decline of the native speaker. 1999. S. 64).

¹⁰ *Genesee F.* Learning through Two Languages. Cambridge, 1987.

¹¹ Эксперты выделяют четыре типа моделей обучения детей на иностранном языке: 1) обучение детей в колониальных и постколониальных государствах (на англий-

- ском, французском, испанском и португальском языках); 2) обучение представителей национальных меньшинств (на английском в Уэльсе, на французском в Бретани и др.); 3) обучение детей иммигрантов; 4) обучение «с погружением».
- ¹² *Baker C.* Foundations of bilingual Education and bilingualism. Clevedon, 1993. S. 193–207.
- ¹³ *Falk M.* Domänförändringar i Svenskan, Utredningsuppdrag från Nordiska ministerrådets språkpolitiska referensgrupp. 2001.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 67–69.
- ¹⁵ Данный пункт является отголоском существующей в ЕС практики использования на совещаниях пяти-шести рабочих языков, что, по мнению авторов Отчета, несправедливо по отношению к остальным языкам. Напротив, английский, французский и немецкий уже давно и прочно занимают в Европейском Сообществе особое место, и оспаривать этот факт было бы бессмысленно.
- ¹⁶ Кроме того, общеизвестно, что «для всякого развивающегося литературного языка» характерна «тенденция к обновлению на базе живой речи» (*Стеблин-Каменский М. И.* // Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 85).
- ¹⁷ В программном документе Центрального объединения профсоюзов Швеции (LO), в частности, отмечается: «Раньше власть имущие говорили на латинском, французском или немецком языке, чтобы подчеркнуть свое привилегированное положение, свое превосходство в знаниях и уме. Так же и сегодня мы едва можем понять язык, на котором говорят чиновники и политики» (*Kampen och tanken.* 2000).
- ¹⁸ *Edgren H.* Hot och verklighet. Om EU-svenskan som hotbild // Svenskan som EU-sprek. Uppsala, S. 77–99; *Melander B.* Svenska tjänstemäns åsikter om EU-texter // Svenskans beskrivning tjugofyra, Linköping den 22–23 oktober 1999, utg. 2001. S. 1.
- ¹⁹ В настоящее время в ЕС действуют правила, по которым докладчик просто ссылается на определенное предложение, слово или знак в том или ином абзаце.
- ²⁰ Хотя оценивают ее информанты по-разному, в зависимости от возраста (молодежь воспринимает доминанту английского языка более позитивно, чем люди старшего поколения) и профессиональной принадлежности (лингвисты оценивают языковую ситуацию более оптимистично, чем неспециалисты, а сотрудники крупных фирм и научные работники чаще остальных одобрительно высказываются по поводу параллельного использования английского и шведского языков).
- ²¹ «Я больше Ева, когда говорю по-шведски, чем тогда, когда говорю на другом языке». «Сказать или спеть „Я люблю тебя“ и „I love you baby“ — большая разница».